Т.Г. Щедрина*

ГУСТАВ ШПЕТ И «ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ДУХА» ГЕГЕЛЯ: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА**

В статье исследуются философско-методологические проблемы перевода философской литературы на материале архивного перевода «Феноменологии духа» Гегеля, выполненного Г.Г. Шпетом. Обращаясь к архивным документам, автор проводит сравнение опубликованного в 1959 г. текста перевода и рукописного оригинала 1937 г. и выделяет особенности методологической позиции Г.Г. Шпета в отношении перевода философских сочинений, для которой характерны тщательный подбор контекстуально обусловленных эквивалентов для переводимых слов-понятий и нацеленность на максимально бережное сохранение синтаксических конструкций и авторских оборотов.

Ключевые слова: методология, перевод, философия слова, интерпретация, Г.Г. Шпет, Гегель, «Феноменология духа»

Gustav Shpet and Hegel's «Phenomenology of spirit»: philosophical and methodological aspects of translation. TATIANA G. SHCHEDRINA (Moscow Pedagogical State University)

The article examines the philosophical and methodological aspects of translating philosophical literature using the case of Gustav Shpet's translation of Hegel's «The phenomenology of spirit». Referring to archival documents, the author compares the translated text published in 1959 and the handwritten original of 1937 kept in Russian State Library and highlights the specific features of Shpet's methodological position concerning the translation of philosophical works. It is characterized by the careful selection of contextually determined equivalents for the translated concepts and the focus on the most careful preservation of original syntactic structures and author's phrases.

Keywords: methodology, translation, philosophy of a word, interpretation, G.G. Shpet, Hegel, «The phenomenology of spirit»

Поводом для написания этой статьи послужила критика перевода «Феноменологии духа» Гегеля, изданного в 1959 г. Каждый раз, когда эта книга переиздавалась, редакторы отмечали стилистические и грамматические неточности, допущенные переводчиком (см.: [20, с. 78–92]).

Но как Г.Г. Шпет мог их допустить, если он считал перевод важнейшим аспектом философской работы, причем не техническим, а содержательным? При этом, «он боролся, прежде всего, за осмысленное употребление терминов, против омонимических склеек и неразличения поня-

* ЩЕДРИНА Татьяна Геннадьевна, доктор философских наук, профессор кафедры философии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета.

E-mail: tannirra@yandex.ru

© Щедрина Т.Г., 2020

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 18-011-01187.

тий, выразившихся внешне тождественными терминами» [1, с. 70]. В этой связи мое внимание привлекла статья В.А. Куренного «“Сами вещи” Мартина Хайдеггера». Он открывает текст эпиграфом из «Феноменологии духа» Гегеля: «Если главное должно быть только в *чистой сути дела*, то это точно так же обман себя самого и других; сознание, которое открывает какое-нибудь дело, напротив, на опыте узнает, что другие поспешно слетаются как мухи на только что выставленное молоко и хотят извлечь здесь выгоду, — и они, в свою очередь, узнают на опыте относительно сознания, что для него точно так же главное — не дело как предмет, а то, что это *его* дело. Напротив того, если считать существенным лишь *само действова-ние*, применение сил и способностей или выявление “этой” индивидуальности, то опыт точно так же показывает обеим сторонам, что *все* хлопочут и считают себя зваными, и вместо *чистого* действования или *единичного* специфического действования, напротив, открылось нечто, что в такой же мере есть *для других*, или открылась *сама суть дела* (Sache selbst)» [11, с. 6]. В шпетовском переводе 1959 г., как и во всех последующих переизданиях, немецкий оригинал Sache selbst, приведенный Куренным в скобках, отсутствует [4, с. 223]. Фактически, Куренной был вынужден привести его, чтобы показать преемственность феноменологической терминологии (от Гегеля к Гуссерлю и Хайдеггеру), между тем как сложившаяся в России традиция вела от Гегеля к Марксу и Ленину (к материалистической диалектике). Тем более важным стало сравнение опубликованного перевода и рукописного оригинала 1937 г. (Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа [Перевод с немецкого, сделанный Г.Г. Шпетом. 1936–1937. Машинопись с правками рукой Г.Г. Шпета] // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, далее — ОР РГБ. 718-9-1).

Перевод составлял неотъемлемую часть исследований Шпета, ведь теоретико-познавательные проблемы гуманитарного познания разрабатывались в то время прежде всего в европейской философии (немецкой, французской, английской). В процессе анализа концепций европейских философов он всегда обращал внимание на то, как тот или иной термин переводился. И если употреблял какое-либо слово-понятие в переводе, то указывал, кто его ввел в русский философский язык и когда. Так, в «Явлении и смысле», над которым Шпет

работал в Геттингене в 1913 г., он специально оговорил, что заимствует «перевод термина das Dasein через “тубытие” ... у Вл. Соловьева» [17, с. 61]. Если он предлагал свой перевод термина, то также обязательно это отмечал, как, например, в случае с термином common sense, который переводил как «общее согласие» [17, с. 105]. Аналогичным образом он поступал и в том случае, если расходился в интерпретации смысла философского оригинала с существующим русским переводом. В первой части книги «История как проблема логики» Шпет приводит цитату Риккерта из статьи «Философия истории» (об «идее в кантовском смысле» как предмете философии истории) в собственном переводе там, где расходится с переводом С.И. Гессена (см.: [15, с. 5–6]). Он поясняет: «Я отступаю в передаче этой цитаты от русского переводчика, потому что так мне кажется выразительнее» [16, с. 60]. И далее, где речь идет о философии истории, задачи которой, по Риккерту «принимают совершенно единообразную форму» [22, с. 111], он также делает примечание. «Опять прибегаю к оригиналу, — пишет он, — по тем же основаниям, что выше. Впрочем, в интерпретации русского переводчика нужная мне мысль Риккерта, пожалуй, подчеркивается еще резче: слово einheitlich я перевожу здесь “единообразный”, г. Гессен — “тождественный”» [16, с. 61].

Отметим также его критические рецензии на переводы Канта, Юма, Зигварта и др., в которых четко видна его методологическая позиция в отношении перевода философских сочинений (см.: [18]). В них сочетаются интуиция писателя-мыслителя, знание ученого-энциклопедиста и глубокий аналитизм философа-профессионала, осознающего ответственность за свое слово и право на критические суждения. Критике подвергается не столько концепция автора книги (она-то, как правило, излагается в рецензии положительно), но стратегия перевода. Шпет и как рецензент, и как переводчик философской и художественной литературы очень хорошо понимал, что перевод — это такая реальность, где при возникновении спорных ситуаций критик-редактор ищет аргументы в культуре и истории: в контексте переводимой эпохи, в сложившейся традиции перевода, в опыте коллег. Поэтому в процессе критики философских переводов Шпет апеллировал, кроме всего прочего, к ответственности переводчика перед своей эпохой, которую он и формирует своим переводом. Именно к этим контекстам отправляет нас

«столкновение с проблемой “мысль и стиль”» [7, с. 165] (см. также: [2]), акцентирующей внимание на том, *что* собственно переводится. Однако, чтобы воспользоваться дихотомией «мысль – стиль» как своеобразным методологическим «инструментарием», требуется мощный массив эмпирического материала.

Поэтому Шпет в рецензиях на переводы концентрировал внимание на философском аспекте этой проблемы и пытался ответить на вопрос о том, *как возможен* перевод. И здесь водораздел проходит по иным траекториям: речь идет о том, каковы границы переводимости философского текста. Для Шпета этот вопрос важен не только как для критика-редактора, но и как для переводчика. И в том и в другом случае он придерживается методологической стратегии, нацеленной на «историческую точность» перевода¹. Поэтому он так «придирчив» к выбору эквивалентов в рецензируемых изданиях, к тонкостям духа эпохи. Он ищет третий путь перевода между Сциллой «буквализма» и Харибдой «произвола». И тогда в силу вступает «закон»: «всякий перевод становится заметен лишь постольку, поскольку расходится с оригиналом, поэтому любой конкретный разговор о переводе фатально выливается в скорбный список оплошностей» [7, с. 158]. Однако оплошность оплошности рознь, и то, что в одной стратегии выглядит как оплошность, в другой может представляться как достоинство (об этом, кстати, свидетельствует ответ переводчицы Юма Софьи Церетели Шпету). «Оплошности», которые Шпет находит в рецензируемых переводах, может быть, и не всегда существенны, однако для него важны не они сами по себе, а методологический принцип, который приводит к их появлению. Исследовательская стратегия, которой Шпет придерживался всю жизнь, – принципиальная философская критика, «характеризующаяся антидогматизмом, установкой на анализ собственных оснований мышления, на выяснение границ применимости фундаментальных понятий и методов» [14, с. 328] – не позволяла ему ни допускать «оплошности» в переводе, ни прощать эти «оплошности» себе и другим.

Добавим к этому, что когда в 1920-е гг. его отстранили от преподавания, он занялся исследовательской работой в Государственной ака-

демии художественных наук. В это время он продолжает творить философию из переводов. Пишет книги «Введение в этническую психологию», половину которой составляет анализ концепций немецких психологов Лацаруса и Штейнталя, и «Внутренняя форма слова» (ее подзаголовок – «Этюды и вариации на темы Гумбольдта» – говорит сам за себя). В 1930-е гг., после разгрома ГАХН, он сотрудничал с издательством ACADEMIA в качестве переводчика и редактора переводов художественной литературы, переводил Байрона, переводил и редактировал Шекспира, Диккенса. И даже уже находясь в ссылке, он продолжал переводить – «Эноха Ардена» Теннисона, переписку Шиллера и Гёте и, наконец, «Феноменологию духа» Гегеля.

Все эти факты, говорящие о том, что Шпет блестяще знал немецкий язык (помимо еще 18 других) вновь и вновь возвращали меня к вопросу о том, почему столько критики было обращено в адрес перевода «Феноменологии духа». Это заставило меня пойти в архив и посмотреть рукопись (и первую машинопись с рукописной авторской правкой) перевода, которая сохранилась в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в 57-ми 12-листовых тетрадах. Читать рукопись Шпета сложно, слишком уж неразборчивый почерк (даже когда он пишет набело для последующей перепечатки). За пятнадцать лет работы с архивом Шпета и издания 12 томов его сочинений и архивных материалов я научилась понимать даже черновой его почерк.

Между прочим, процесс чтения рукописей тоже можно назвать переводом: сначала не понимаешь смысл, а потом «прорываешься» к нему, осваивая систему знаков. При этом надо иметь в виду, что написанное другим открывается исследователю только при погружении в контекст и расширении сферы понимаемого и познанного. Я это отчетливо осознала, когда работала с эпистолярным наследием Шпета. На мой взгляд, именно по письмам проще всего изучать рукописный «язык» (почерк) философа, открывать для себя систему сокращений, особых закодированных выражений, прозвищ, т.е. входить в символический мир Заслуженного собеседника. И конечно, в письмах Шпета ярко представлена тема перевода как перетекания смыслов из культуры в культуру. Его рассуждение о том, почему он не стал переводить немецкого философа Августа Мессера, очень ярко это демонстрирует.

¹ На этом принципе основан и шпетовский подход к герменевтике, где точное (единственное) понимание смысла определяется контекстом. Контекст останавливает принципиальную текучесть смысла.

Шпет пишет Н.К. Шпет 27 июня (10 июля) 1914 г.: «Дело в том, что я давно удивлялся, почему Messer не переведен. Читал я его года 4 назад, тогда еще подумал, что переводить его чертовски трудно, но именно поэтому (!) решил сам его перевести. Сейчас умылся и пр., прочел газеты, приступил... и сразу же осекся! Я совершенно забыл про одну особенность книги: это то, что свойственно и Гуссерлю, – анализировать значение самого слова. Это страшно важно, поучительно и интересно, но тут перевод ни в коем случае не может совпадать с оригиналом. Явилась мысль заменить эти анализы русскими, – это еще лучше и полезнее. Но, 1, это создаст массу новой непредвиденной работы, 2, это уже не будет перевод, и несправедливо, что такая самостоятельная работа пойдет под флагом переведенной книги. У меня явилась теперь новая мысль: самому написать книжку о психологии мышления. <...> Это требует очень тщательного размышления, которому я и думаю посвятить сегодняшний день. То есть нужно внимательно просмотреть всего Messer'a (может, перевод все-таки нужен будет, как предварительная работа), а затем и литературу по вопросу. Но тогда весь порядок моих занятий здесь меняется. Книжку теперь я, конечно, не успею написать в две недели, которые предназначались для перевода, но лучше пристегнуть к этому еще недельку и выработать (и написать) наивозможно подробный план с тем, чтобы заполнять его в течение года, что тем более удобно, <потому> что этому вопросу будут посвящены мои практические занятия. Тогда книга выйдет и как пособие к практическим занятиям, и как результат их. Нечего и говорить, насколько осуществление этого плана было бы для меня важнее, особенно принимая во внимание, что сюда войдет (и довольно подробно) мое "понимание"» [5, с. 213–214]. «Ну, Натулик, теперь нужно и "внутренно", но оно коротко. Я окончательно решил не переводить Messer'a, а писать свое. В сущности местá, о которых я вчера писал, можно было бы обойти и перевод все-таки был бы желателен, но, принявшись за свое, я уже не могу его делать» [5, с. 216].

Мессер возник в письме неслучайно. К этому времени Шпет только что закончил работу над книгой «Явление и смысл», где осмысливал «по горячим следам» «Идеи к чистой феноменологии...» Э. Гуссерля, вышедшие в 1913 г., и анализировал идеи Вюрцбургской школы экс-

периментальной психологии. Шпет обращается к трудам Августа Мессера, одного из ее представителей, немного позже, в рукописи «Герменевтика и ее проблемы» (1918) [17, с. 408–410], где ссылается на книгу, упоминаемую в письме. Это «*Empfindung und Denken*» (1908), в которой самое главное для Шпета – это попытки Мессера связать «психологическое учение о мышлении с учением о языке» [17, с. 410].

Интеллектуальная биография Шпета, в которую я с каждым годом все глубже погружалась, настойчиво «отправляла» меня в архив, чтобы раскрыть тайны перевода «Феноменологии духа». Прикасаясь к пожелтевшим страничкам, исписанным синими и зелеными чернилами, я вспоминала рассказ Марины Густавовны о том, как Шпет переводил в ссылке эту книгу. В то время она находилась рядом с отцом. Она неоднократно писала об этом и рассказывала (сохранились аудио и видеозаписи), опираясь в том числе и на архивные свидетельства [19].

В 1936 г. Шпет получил от «Соцэкгиза» заказ на перевод «Феноменологии духа» (договор был заключен 13 апреля) [19, с. 599]. Для ссыльного мыслителя это была большая удача, он смог опять профессионально заняться философией. И случилось это, как рассказывала мне Марина Густавовна, благодаря усилиям русского философского сообщества (практически все известные в то время переводчики философских текстов говорили в один голос, что «Феноменологию духа» может перевести только Шпет).

Шпет полностью ушел в перевод, выписывал из Москвы необходимые немецкие издания, словари, энциклопедии (пришлось даже сколотить из посылочных ящиков полки для книг). И семья не решилась ему сообщить, что издательство расторгло договор [19, с. 605]. Жена и дочь получали посылки из Томска. В каждой – двенадцатистовые тетради с переводом очередной главы. Они перепечатывали полученные рукописи и посылали обратно машинопись для правки. Ни одна тетрадь не потерялась. Шпет завершил работу над переводом накануне расстрела.

Жена Наталья Константиновна Шпет (урожд. Гучкова) дала согласие на издание этого перевода только после реабилитации Шпета в 1956 г. (полностью Шпет был реабилитирован только в 1992 г.). Изданием занялись дети: дочь Ленора Густавовна и сын Сергей Густавович (договор на издание был заключен 8 июня 1959 г.). Имен-

но Ленора Густавовна обратила внимание на то, что перевод подвергся значительной редакторской правке. В архиве Шпета мне удалось обнаружить письма Леноры Павлу Христофоровичу Кананову, одному из немногих уцелевших к тому времени профессионалов, которые учились в Германии до революции и прекрасно знали немецкий язык и феноменологическую терминологию. Вот строки из ее письма:

«Многоуважаемый Павел Христофорович!

Я посылаю Вам всю ту часть рукописи, которую нам прислали из Института.

Когда я была у М.П. Баскина² и сказала ему, что нас крайне беспокоит такое огромное количество поправок, что большинство из них субъективны и неубедительны, а иные вульгаризируют Гегеля, и что т. Иткин³ сам не считает свои карандашные поправки обязательными, только предлагая их как варианты, – Баскин пошел на то, чтобы эти *карандашные поправки не рассматривать*, не принимать в расчет. Таким образом, работа все-таки облегчается, ибо проверить нужно только поправки, сделанные *лиловыми чернилами* (зелеными чернилами сделана правка отцом после машинки). А все карандашные правки и, следовательно, варианты, вынесенные на отдельные листы можно просто игнорировать. <...> Отец делал перевод с 1-го издания «Феноменологии»⁴. Иткин сверял по Лассоновскому изданию⁵. Первые две главы, насколько я знаю, отец делал по второму изданию⁶. Текст их идентичен с текстом двух первых глав по Лассону. А в остальном между 1-м изданием и Лассоном есть разночтения. – Очень, конечно, странно, что Иткин повел сверку не по тому изданию, с какого сделан перевод, – как странно и то, что Баскин, когда мы ему указали на это, ответил, что разницы почти никакой нет. Отец же, видимо, ее усматривал, считаясь буквально с каждой запятой» [20].

Кананов сверил перевод и правку и обратился к редакторам с просьбой вернуть шпетовские

варианты перевода: «...К работе правщика надо относиться с весьма большой осторожностью. Из заметок на полях книг, которыми пользовался переводчик видно, что им была тщательно прослежена вся терминология Гегеля и разночтения разных изданий, а также составлен словарь важнейших терминов. Править результаты этой многолетней работы человека, не только прекрасно владеющего языком, но и хорошо знакомого со всеми произведениями Гегеля, трудно всякому, тем более в короткий срок. Поэтому вероятно, правильнее всего при данных условиях поступить так: сохранить перевод, внося в него лишь безусловно очевидные исправления в части сложившихся традиций переводов других произведений Гегеля» [20]. Однако замечания Кананова не были приняты во внимание. Более того, правке и сокращению подверглось шпетовское предисловие к переводу и терминологический словарь. Замечания, сделанные Канановым, показывали, что перевод Шпета был заредактирован.

Первым делом я проверила, как Шпет перевел *die Sache selbst* в цитате, которая открывает статью В. Куренного. Перевод Шпета таков: «Таким образом, если все дело должно быть только в *чистой подлинной вещи*, то это точно так же обман себя самого и других; сознание, которое открывает какую-нибудь подлинную вещь, напротив, на опыте узнает, что “другие” слетаются как мухи на только что собранное молоко, и хотят занять здесь свое место; – и они в свою очередь узнают, что для него точно также все дело – не в подлинной вещи как предмете, а в том, что это *его* вещь. Напротив того, если “существенное” должно состоять в *самом действовании*, применении сил и способностей или в выражении “этой” индивидуальности, то опыт точно так же показывает обеим сторонам, что *все* хлопчут и считают себя призванными, и вместо *чистого* действия или *единичного* специфического действия, напротив, открылось нечто, что в такой же мере есть *для “других”*, или открылась *сама подлинная вещь*» (Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа [Перевод с немецкого, сделанный Г.Г. Шпетом. 1936–1937. Машинопись с правками рукой Г.Г. Шпета] // ОР РГБ. 718-9-1. Л. 359–360). И по всему тексту 1937 г. термин *die Sache selbst* переводится как «подлинная вещь сама». Конечно, и «сама суть дела», и «подлинная вещь сама» допустимы при переводе с немецкого, и ошибки нет, но традиция безусловно становится менее очевид-

² Баскин Марк Петрович (1899–1964) – доктор философских наук, с 1944 г. – старший научный сотрудник Института философии Академии наук СССР.

³ Иткин Моисей Исаакович (1911–1980) – корректор, редактор издательства «Соцэкгиз»; осуществлял сверку переводов «Феноменологии духа» Гегеля и «Опыта о человеческом разуме» Локка; редактор переводов Аристотеля, Канта.

⁴ Имеется в виду издание 1807 г. [21].

⁵ Имеется в виду 1-е изд. 1907 г. Г. Лассона.

⁶ Имеется в виду издание 1832 г.

ной (особенно для широкого круга читателей. А ведь перевод нужен прежде всего для широкого круга, специалисты, как правило, читают подлинник).

Потом я проверила критические замечания В.И. Коротких [10]. Здесь речь идет не столько о терминологических или стилистических тонкостях перевода, сколько о личностных характеристиках Шпета как переводчика-исследователя. Автор статьи упрекает Шпета за то, что он не упомянул в предисловии первый перевод, сделанный под редакцией Э.Л. Радлова: «Сравнение первого и второго русских переводов, напротив, не оставляет сомнений в том, что Г.Г. Шпет использовал при подготовке своего варианта текста формулировки, уже найденные его предшественниками. Отсутствие указаний на значение первого русского издания книги для подготовки собственной редакции перевода во фрагменте “От переводчика” современному читателю хотелось бы списать на решение кураторов советского издания 1959 г., – однако, информация о существовании подобных указаний отсутствует» [10]. Вообще, такого рода упреки требуют тем более серьезного анализа архивных документов. Действительно, в издании 1959 г. в предисловии переводчика Радлов не упоминается. Ссылка на перевод под его редакцией [3] отсутствует и в сохранившихся в архиве чистовых (рукописном и машинописном) вариантах предисловия Шпета (Шпет Г.Г. От переводчика. Чистовой вариант (рукопись) // ОР РГБ. 718-8-7. Л. 769–773; Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа [Перевод с немецкого, сделанный Г.Г. Шпетом. 1936–1937. Машинопись с правками рукой Г.Г. Шпета] // ОР РГБ. 718-9-1. Л. 403–405). Но причины этого умолчания мы можем понять, если обратимся к черновому архивному варианту предисловия (Шпет Г.Г. От переводчика [Черновой вариант (рукопись). В отдельной тетради] // ОР РГБ. 718-8-7. Л. 774–784) и заметкам Шпета (Шпет Г.Г. [Рабочие заметки об особенностях диалектической манеры Гегеля. Автограф чернилами и карандашом] // ОР РГБ. 718-8-7. Л. 802–833), часть которых он использовал при написании предисловия. Оказалось, что Шпет упоминает перевод Радлова дважды. Первый раз – в черновых заметках: «Перевод Радлова так специфичен незнанием дела, пренебрежением к оригиналу, развязностью, беззаботностью в отношении русского языка, что заслуживает дать начало нарицательному имени: *радловский перевод*. Это перевод

чиновника от философии» (Шпет Г.Г. [Рабочие заметки об особенностях диалектической манеры Гегеля. Автограф чернилами и карандашом] // ОР РГБ. 718-8-7. Л. 830). И далее Шпет дает характеристику переводам Н.Г. Дебольского: «Но <перевод> Дебольского в некотором отношении еще хуже: этот философ, считавший себя гегельянцем, явно не понимал Гегеля – в главном: в деталях и оттенках его диалектики. Это – перевод буквоеда, схоластика, – семинарский перевод» (Шпет Г.Г. [Рабочие заметки об особенностях диалектической манеры Гегеля. Автограф чернилами и карандашом] // ОР РГБ. 718-8-7. Л. 830). Есть упоминание Радлова и в черновом тексте предисловия, который публикуется ниже. Правда, Шпет его зачеркнул. Судя по оценкам Шпета, можно понять, почему он все-таки решил не упоминать перевод Радлова (как и перевод Н.Г. Дебольского). И я полагаю, что он имел на это право, поскольку ставил перед предисловием переводчика иные – не историографические – задачи. Вообще, хотелось бы заметить, что личностные претензии, сделанные на основе текстов философов, требуют очень серьезного анализа контекста.

Что же касается конкретных замечаний В.И. Коротких к тексту, то они заслуживают концептуального разбора с учетом перевода 1937 г. И прежде всего потому, что Шпет как раз пытался по возможности учитывать гегелевскую стилистику и смысловые различия, опирающиеся на синтаксические и грамматические тонкости немецкого языка. Особого внимания заслуживают замечания В.И. Коротких, сделанные им к разделу «Введение» в «Феноменологии духа» (причем указывал он на это дважды: в 2004 и в 2010 гг.).

В статье 2004 г., помещенной в «Историко-философском ежегоднике», В.И. Коротких приводит следующее рассуждение Гегеля по изданию 1959 г.: «Только сама эта необходимость или *возникновение* нового предмета, который предстает перед сознанием, не знающим, как это происходит, есть то, что совершается для нас как бы за спиной сознания. Благодаря этому в движение сознания входит момент *в-себе-бытия* или *для-нас-бытия*, не проявляющийся для сознания, которое охвачено самим опытом; *содержание* же того, что перед нами возникает, имеется для сознания, и мы имеем понятие только о *формальной стороне его* или о его *чистом возникновении* (курсив В.И. Коротких – прим. авт.); для сознания это возникшее есть

только в качестве предмета, *для нас* – вместе с тем и в качестве движения и становления» [9, с. 187]. Подчеркну, что курсив Гегеля Коротких снимает в цитате, но одновременно выделяет курсивом фразу, которая вызывает у него сомнения. И вот какие: «Что значит “мы имеем понятие только о формальной стороне его или о его чистом возникновении”, почему “только о формальной стороне”? Может быть, имеет место ошибка в переводе? В первом издании “Феноменологии духа”, а также в осуществленных под редакцией Й. Шульце втором (1832 г.) и третьем (1841 г.) изданиях, воспроизводящих в этом месте текст первого издания, читаем: “und wir begreifen nur das Formelle desselben oder sein reines Entstehen”. Если не задумываться пока над тем, как здесь следует переводить “begreifen” и “das Formelle”, то следует сказать, что Г.Г. Шпет, выполнявший перевод с первого издания, передает смысл гегелевского текста правильно. Вместе с тем Г.Г. Шпет упоминает, что “вспомогательным материалом” для него в процессе перевода служили издания Георга Лассона 1907 и 1921 г. с имеющимися в них “разночтениями” с первыми тремя изданиями <...> Но как раз у Лассона в рассматриваемом нами месте появляется любопытная конъектура, на которую Г.Г. Шпет никак не отреагировал – он и не принял ее, и не оставил разъяснения, почему ее принять нельзя» [9, с. 187–188]. И далее замечает: «Возможно, впрочем, что оценка этой конъектуры Лассона, если она у Шпета все же имела, не попала в состоявшееся лишь в 1959 г. издание по воле редакторов» [9, с. 188].

Интуиция в данном случае не подвела В.И. Коротких, именно по воле редакторов ссылка Шпета на издание Лассона была удалена из изданного варианта. В машинописи шпетовского перевода 1937 г. эта поправка Лассона принята и сделано соответствующее примечание: «Только сама эта необходимость или *возникновение* нового предмета, который предстает сознанию, не знающему, как это происходит, есть то, что совершается для нас как бы за спиною сознания. Благодаря этому в его движение входит момент *в-себе-бытия* или *для-нас-бытия*, не проявляющегося для сознания, которое занято самим опытом; *содержание* же того, что перед нами возникает, есть *для него*, и мы только* [*Принята поправка Лассона; у Гегеля: “и мы имеем понятие только о формальной...”] имеем понятие о формальной стороне его или об его чистом возникновении; *для него* это воз-

никшее есть только в качестве предмета, *для нас* вместе с тем и в качестве движения и становления» (Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа [Перевод с немецкого, сделанный Г.Г. Шпетом. 1936–1937. Машинопись с правками рукой Г.Г. Шпета] // ОР РГБ. 718-9-1. Л. 86–87). А вот далее исследователи могут предлагать соответствующие содержательные интерпретации (см. об этом: [13]).

В 2010 г. вышел сборник статей, посвященный 200-летию «Феноменологии духа» Гегеля, в котором В.И. Коротких еще раз высказался об опечатке в Гегелевском тексте. При этом он пошел еще дальше и показал, что Гегель различает сознания, о которых пишет, прежде всего языковыми средствами, т.е. с помощью предлогов: «...Дательный падеж используется для указания на предметный модус сознания, на представленность сознанию “в-себе-бытия” или “сущности”, винительный же – для указания на его “информационный” модус, “понятие”» [8, с. 176]. И далее он приводит цитату из опубликованного перевода, где различие сознаний не фиксируется языковыми средствами, но в скобках указаны соответствующие немецкие предлоги: «Правда, предмет кажется одному и тому же [сознанию] лишь таким, каким оно его знает; кажется, будто оно не может узнать, каков он есть *не для одного и того же* [сознания], *а в себе*, и, следовательно, будто оно не может проверить на нем и свое знание. Однако именно в том, что сознание вообще знает о предмете, уже имеется налицо различие, состоящее в том, что *для него (ihm)* нечто есть *в-себе* [-бытие], а некоторый другой момент есть знание или бытие предмета *для (für)* сознания» [4, с. 48].

Однако Шпет отчетливо видел в тексте этот прием Гегеля и пытался (по возможности) это различие предлогов и падежей передавать в переводе. Во всяком случае, при переводе фразы, которую цитирует В.И. Коротких по изданию 1959 г., Шпету, судя по машинописному оригиналу, удалось сделать это различие (хотя, возможно, и в ущерб русскому языку): «Правда, предмет, по-видимому, для сознания есть лишь так, как оно его знает; кажется, как будто оно не может добраться до того, как он есть, – *не для одного и того же*, – *а как он есть в себе*, а, следовательно, оно не может проверить на нем и свое знание. Однако именно в том, что сознание вообще о предмете знает, уже имеется налицо различие, состоящее в том, что *ему* нечто дано

как «в-себе», а другой момент есть знание или бытие предмета для сознания» (Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа [Перевод с немецкого, сделанный Г.Г. Шпетом. 1936–1937. Машинопись с правками рукой Г.Г. Шпета] // ОР РГБ. 718-9-1. Л. 84).

Я не останавливаюсь подробно на множестве мелких стилистических замечаний, которые также меняли смысл перевода. Например, вместо словосочетания «лавка колониальных товаров» – «бакалейная лавка», или вместо трех терминов, обозначающих действие, везде проводится один – «действие» и т.д. Хочется также упомянуть, что редакторы исправляли даже союзы (например, “и” на “а”).

Итог сверки опубликованного текста и архивного источника отнюдь не в том, что у редакторов получился «плохой» перевод. Дело не в этом. Просто каждый редакторский штрих менял философский смысл гегелевской концепции. Для Шпета была очевидной траектория феноменологического движения от Гегеля к Гуссерлю, а вот редакторы, работавшие над переводом 1959 г., вели Гегеля к Марксу. Мы сегодня не имеем права винить редакторов издания 1959 г. Люди, пережившие страшные 1930-е – 1940-е гг., действовали в соответствии со своим временем, со своей эпохой. Перевод этот имеет гносеологическую значимость, но показывает культурную (и социальную) зависимость от эпохи (даже, может быть, еще более ярко, чем это проявляется в машинописном переводе Шпета 1937 г.). Да и собрание сочинений Гегеля к тому времени было уже полностью опубликовано, и менять терминологический ряд всех томов под перевод Шпета не представлялось возможным. Это была эпоха идеологических конструкций, когда даже переводы правили под «классовый подход» [5, с. 390]⁷.

Несомненно, критические замечания исследователей обязательно нужно учитывать при работе над современным переводом «Феноменологии духа». А публикация аутентичного архивного перевода Шпета (он готовится сейчас к изданию) станет для нас важнейшим шагом к переосмыслению Гегеля и феноменологической терминологической традиции. Я полагаю, что это одна из первоочередных задач российского философского сообщества.

⁷ См. также: [6, с. 107]. Здесь мы не вступаем в дискуссию о достоинствах и недостатках Шпета как переводчика именно «Тяжелых времен». Об этом см.: [12].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономова Н.С. Проблема перевода у Густава Шпета: история, критика, практика // Вопросы философии. 2019. № 4. С. 69–78.
2. Автономова Н.С. Перевод: история и вечность // Вопросы философии. 2004. № 8. С. 171–174.
3. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Пер. под ред. Э.Л. Радлова. СПб.: Тип. Акц. общ. «Брокгауз-Ефрон», 1913.
4. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Пер. с нем. Г.Г. Шпета. М.: Соцэкгиз, 1959.
5. Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М., 2005.
6. Диккенс Ч. Тяжелые времена / Пер. с англ. Г.Г. Шпета. М.: ОГИЗ – Молодая гвардия, 1933.
7. Как переводить Деррида? Философско-филологический спор (с участием С.Н. Зенкина и Н.С. Автономовой) // Вопросы философии. 2001. № 7. С. 158–169.
8. Коротких В.И. Метод «Науки опыта сознания» и рождение «Феноменологии духа» // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения / Отв. ред. Н.В. Мотрошилова. М.: Канон+, 2010. С. 172–194.
9. Коротких В.И. Об одной любопытной опечатке в «Феноменологии духа» Гегеля // Историко-философский ежегодник – 2004. М.: Наука, 2005. С. 187–192.
10. Коротких В.И. Русские переводы «Феноменологии духа» и проблема передачи гегелевской мысли в современном философском языке // Философская мысль. 2016. № 8. С. 82–92.
11. Куренной В.А. «Сами вещи» Мартина Хайдеггера // Исследования по феноменологии и философской герменевтике. Минск: Изд-во ЕГУ, 2001. С. 6–44.
12. Лорие М. Об одном хорошем переводе («Тяжелые времена» Диккенса в переводе В.М. Топер) // Мастерство перевода. М., 1965. С. 98–116.
13. Мотрошилова Н.В. В ответ на реплику В.И. Коротких // Историко-философский ежегодник – 2004. М.: Наука, 2005. С. 192–195.
14. Порус В.Н. Критицизм // Новая философская энциклопедия. В 4-х т. Т. II. М., 2001. С. 328–329.
15. Риккерт Г. Философия истории. СПб., 1908.
16. Шпет Г.Г. История как проблема логики: Критические и методологические исследования. Ч. 1. Материалы. М.; СПб.: Университетская книга, 2014.

17. Шпет Г.Г. Мысль и слово. Избранные труды / Отв. ред.-сост., коммент. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2005.

18. Шпет Г.Г. Философская критика: отзывы, рецензии, обзоры / Отв. ред.-сост., коммент. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2010.

19. Шторх М.Г. Густав Шпет и «Феноменология духа» Гегеля // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения / Отв. ред. Н.В. Мотрошилова. М.: Канон+, 2010. С. 598–605.

20. Щедрина Т.Г. Судьба шпетовского перевода «Феноменологии духа» (методологические заметки) // Вопросы философии. 2019. № 4. С. 79–93.

21. Hegel, G.W.F., 1807. System der Wissenschaft. Erster Theil, die Phänomenologie des Geistes. Bamberg; Würzburg: Verlag Joseph Anton Goebhardt.

22. Windelband, W. ed., 1904. Die philosophie im Beginn des zwanzigsten Jahrhunderts: Festschrift für Kuno Fischer. Bd. I. Heidelberg: Winter.

REFERENCES

1. Avtonomova, N.S., 2019. Problema perevoda u Gustava Shpeta: istoriya, kritika, praktika [The translation issue in Gustav Shpet: history, criticism, practice], Voprosy filosofii, no. 4, pp. 69–78. (in Russ.)

2. Avtonomova, N.S., 2004. Perevod: istoriya i vechnost' [Translation: history and eternity], Voprosy filosofii, no. 8, pp. 171–174. (in Russ.)

3. Hegel, G.W.F., 1913. Fenomenologiya dukha [The phenomenology of spirit]. Sankt-Peterburg: Tip. Akts. obshch. «Brokgauz-Efron». (in Russ.)

4. Hegel, G.W.F., 1959. Fenomenologiya dukha [The phenomenology of spirit]. Moskva: Sotsekgiz. (in Russ.)

5. Shchedrina, T.G. ed., 2005. Gustav Shpet: zhizn' v pis'makh. Epistolyarnoe nasledie [Gustav Shpet: life in letters. Epistolary heritage]. Moskva. (in Russ.)

6. Dickens, Ch., 1933. Tyazhelye vremena [Hard times]. Moskva: OGIZ – Molodaya gvardiya. (in Russ.)

7. Kak perevodit' Derrida? Filosofskofilologicheskii spor (s uchastiem S.N. Zenkina i N.S. Avtonomovoi) [How to translate Derrida? Philosophical and philological dispute (with S.N. Zenkin and N.S. Avtonomova)], Voprosy filosofii, 2001, no. 7, pp. 158–169. (in Russ.)

8. Korotkikh, V.I., 2010. Metod «Nauki opyta soznaniya» i rozhdenie «Fenomenologii dukha»

[The method of «Science of the experience of consciousness» and the birth of «The phenomenology of spirit»]. In: Motroshilova, N.V. ed., 2010. «Fenomenologiya dukha» Gegelya v kontekste sovremennogo gegelevedeniya. Moskva: Kanon+, pp. 172–194. (in Russ.)

9. Korotkikh, V.I., 2005. Ob odnoi lyubopytnoi opechatke v «Fenomenologii dukha» Gegelya [On a curious typo in Hegel's «The phenomenology of spirit»]. In: Istoriko-filosofskii ezhegodnik – 2004. Moskva: Nauka, 2005, pp. 187–192. (in Russ.)

10. Korotkikh, V.I., 2016. Russkie perevody «Fenomenologii dukha» i problema peredachi gegelevskoi mysli v sovremennom filosofskom yazyke [Russian translations of «The phenomenology of spirit» and the problem of translating Hegel's thought into modern philosophical language], Filosofskaya mysl', no. 8, pp. 82–92. (in Russ.)

11. Kurennoi, V.A., 2001. «Sami veshchi» Martina Khaideggera [The «things themselves» of Martin Heidegger]. In: // Issledovaniya po fenomenologii i filosofskoi germenевtike. Minsk: Izd-vo EGU, 2001, pp. 6–44. (in Russ.)

12. Lorie, M., 1965. Ob odnom khoroshem perevode («Tyazhelye vremena» Dikensa v perevode V.M. Toper) [About one good translation («Hard times» by Ch. Dickens, translated by V.M. Toper)]. In: Masterstvo perevoda. Moskva, 1965, pp. 98–116. (in Russ.)

13. Motroshilova, N.V., 2005. V otvet na repliku V.I. Korotkikh [In response to V.I. Korotkikh's note]. In: Istoriko-filosofskii ezhegodnik – 2004. Moskva: Nauka, 2005, pp. 192–195. (in Russ.)

14. Porus, V.N., 2001. Krititsizm [Criticism]. In: Novaya filosofskaya entsiklopediya. V 4-kh t. T. II. Moskva, 2001, pp. 328–329. (in Russ.)

15. Rickert, H., 1908. Filosofiya istorii [Philosophy of history]. Sankt-Peterburg, 1908. (in Russ.)

16. Shpet, G.G., 2014. Istoriya kak problema logiki. Kriticheskie i metodologicheskie issledovaniya. Ch. 1. Materialy [History as a problem of logic. Critical and methodological studies. Part 1. Materials]. Moskva; Sankt-Peterburg: Universitetskaya kniga. (in Russ.)

17. Shpet, G.G., 2005. Mysl' i slovo. Izbrannye trudy [Thought and word. Selected works]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

18. Shpet, G.G., 2010. Filosofskaya kritika: otzyvy, retsenzii, obzory [Philosophical criticism: comments, reviews, summaries]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

19. Shtorkh, M.G., 2010. Gustav Shpet i «Fenomenologiya dukha» Gegelya [Gustav Shpet and Hegel's «The phenomenology of spirit»]. In: Motroshilova, N.V. ed., 2010. «Fenomenologiya dukha» Gegelya v kontekste sovremennogo gegelevedeniya. Moskva: Kanon+, pp. 598–605. (in Russ.)
20. Shchedrina, T.G., 2019. Sud'ba shpetovskogo perevoda «Fenomenologii dukha» (metodologicheskie zametki) [The fate of Gustav Shpet's translation of «The phenomenology of spirit» (methodological remarks)], Voprosy filosofii, no. 4, pp. 79–93. (in Russ.)
21. Hegel, G.W.F., 1807. System der Wissenschaft. Erster Theil, die Phänomenologie des Geistes [System of science. First part: the phenomenology of spirit]. Bamberg; Würzburg: Verlag Joseph Anton Goebhardt. (in German)
22. Windelband, W. ed., 1904. Die philosophie im Beginn des zwanzigsten Jahrhunderts: Festschrift für Kuno Fischer. Bd. I [The philosophy at the beginning of the twentieth century. Vol. I]. Heidelberg: Winter. (in German)